

20 ноября  
Москва или Москва

## Отблески жизни.

„Свободные“ миллионы г. Суходольскаго удовлетворенно крикнули.

Еще-бы, — перспективы передь ними открылись совершенно новыя и весьма заманчивыя.

И кризисъ прошелъ вполне благополучно.

А между тѣмъ, моментъ былъ дѣйствительно острый.

Въ самомъ дѣлѣ, — они, эти „свободные“ миллионы, только-что вошли во вкусъ разсѣянной жизни.

Поняли, какъ это любопытно, — тратиться направо и налево.

И притомъ, безъ счета и ограничений.

И уже выработали себѣ опредѣленные симпатіи и антипатіи.

Разумѣется, фаворитомъ ихъ былъ Марджановъ.

Такой душка!

Милліоны г. Суходольскаго вѣрили въ него безусловно и восхищались ежечасно.

Ужъ очень этотъ Марджановъ вдохновенно оправдывалъ довѣріе.

Трудился, что называется, въ потѣ лица. То одну постановку провалить, то другую повредить.

То угостившину со скандалами, платежами по будущему иску заварить.

То двѣ дюжины новыхъ артистовъ „для укомплектованія, — говорить, — слабой труппы“, — пригласить и, заключивши съ ними контракты, этимъ добродушно предложить навѣдываться въ кассу за жалованьемъ ежемѣсячно. А на-счетъ ролей, — справиться такъ годика черезъ два-три, когда будетъ намѣчаться репертуаръ на 1920 годъ.

Вообще, мужчина чрезвычайно талантливый.

Вотъ съ Суходольскимъ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Даже не нѣсколько, а совсемъ не хорошо.

Безхарактернымъ субъектомъ оказался Суходольскій.

Раньше такъ рѣшительно жалъ Марджанову руку и ударялъ по плечу:

— Я, — говорить, — съ вами куда угодно, — говорить. — Пять лѣтъ, такъ пять. Сто, такъ сто. И кредитъ, — говорить, — неограниченный, — хоть 10 миллионъ.

А потомъ сразу осѣлъ.

Испугался такой грошевой траты, какъ полмилліона.

Что значить „полмилліона“?

Если для Марджанова, да при полной ему свободѣ, — такъ это на одни гримировальные карандаши для труппы не хватило-бы.

Но Суходольскій...

Стыдно даже смотрѣть.

Вбѣгаетъ по фойѣ, рветъ на себѣ волосы и кричитъ истощеннымъ голосомъ:

— Разорилъ! Спасите!...

— Отдайте мнѣ мои 500 тысячъ! Караулъ! Грабятъ!

Марджановъ къ нему такъ и ѣтакъ.

— Какъ вы, — говорить, — не поймете, что если партеръ совсѣмъ пустъ, на галереѣ только двое, да и тѣ по карточкѣ Сарраджева сидятъ, такъ это и есть настоящее свободное искусство...

— Привыкли, — говорить, — вы у себя тамъ, въ Тульской губерніи, грязные пятна въ чулокъ прятать, и не можете до джентельменскаго взгляда на вещи возвыситься.

— Нужно, говорить, Оскаръ Уальдомъ держаться, а вы, какъ кухарка, у которой „портмонеъ“ съ пятналтышнымъ вытацили, орете.

А Суходольскій отъ него въ сторону, да въ уголь и ногами брыкается.

— Не подходите, — кричить, — а то вы съ меня выжмажте станцие, продадите и на постановку „Желтой кофты“ выстратите.

Однимъ словомъ, положеніе создалось невыносимое.

Приходится Марджанову, захвативъ свои 30 тысячъ, — онъ, вѣдь, въ расходахъ не собиравшя участвовалъ, — да неустойку въ 81 тысячу, уходить, да и только.

Но, все, какъ всегда бываетъ, обошлось и образовалось.

Вмѣшались дѣловые люди.

Посоветовали, пощелкали на счетахъ.

И разрѣшили вопросъ къ общему благополучію.

Вотъ поэтому-то миллионы г. Суходольскаго и крикнули такъ удовлетворенно.

Опять они могутъ тратиться сколько влѣзеть.

И гораздо свободнѣе, чѣмъ при одномъ Марджановѣ.

Прежде онъ одинъ долженъ былъ стараться, теперь Божовскій начнетъ ему помогать.

Прежде полмилліона хватало какъ разъ на три постановки, теперь еще подумывать нужно, — хватить-ли на одну, да и то безъ костюмовъ и декораций.

Вообще, теперь-то „Свободный театр“ только и вступаютъ на правильную дорогу.

И съ финансовой, и съ художественной стороны.

Что сборы стануть еще „образцовѣ“, такъ въ этомъ ручается всеми прошлыми и будущими провалами пьесъ Марджановъ.

Что „художественность“ постановокъ выигрываетъ, за это поручкой, кромѣ Марджанова, и Божовскій.

Божовскій будетъ получать жалованье не такъ себѣ, а за вполне опредѣленную функцію.

Всѣми силами препятствовать Марджанову.

Не ни съ того, ни съ сего, а для достиженія наибольшей художественности.

Если, напримѣръ, Марджановъ задумаетъ поставить „Музей-паноптикумъ“ съ отдѣленіемъ для взрослыхъ въ оркестровкѣ Сахновскаго, то Божовскій, непрерывно препятствуя ему, твердо выскажется за инсценировку „Кузькиной матери“ съ музыкой капельмейстера Марквардта и массовыми сценами подъ наблюденіемъ Санина.

Конечно, столкновение двухъ этихъ талантливыхъ людей неминуемо будутъ разнообразиться и приводить къ самымъ страннымъ результатамъ.

Но зато „Свободный театр“, несомнѣнно, процвѣтетъ и завоюетъ, наконецъ, популярность.

Иной.